

СЫН МОРЯ

1

Когда подводная лодка уходила на глубину, акустик Федор Быков ничего не мог видеть — он только слушал, слушал часами, иногда сутками напролет. В наушниках звучала мерная, однотонная музыка моря. В нее незаметно вплетались различные лодочные шумы — гудение электромоторов и еще многое другое. Все эти шумы означали, что море пустынно, и Федор знал, что сигнальщик Кривошеев уже не раз докладывал командиру лодки капитану 3-го ранга Лунину: «Чист горизонт», и снова жадно припадал к окулярам бинокля.

«Чист горизонт»... Эти два слова, все одни и те же, заставляли краснофлотцев раздраженно переглядываться и вызывали короткие реплики, вроде: «опять пусто», или: «чортов аквариум».

Длинные стальные тела торпед, надежно укрытые в широких трубах аппаратов, каждую минуту готовы были с шумом вырваться из заточения навстречу вражескому кораблю. Но вокруг не было ничего, кроме волн, и торпедисты Бойчук и Злоказов снова и снова драили чистолью большие медные номера на крышах аппаратов, как будто это каким-то непостижимым путем могло ускорить момент атаки.

То всплывая, то погружаясь, подводная лодка шла в водах противника, под небом, пронизанным неярким светом северного солнца. Ни мотобота, ни рыболовного траулера! Только вверху возникал далекий звук авиационного мотора: низкий, прерывающийся, точно от астмы — у «Юнкерсов», высокий, звенящий, металлический — у «Мессершмиттов». Длиннохвостые хищники с черными крестами на широких крыльях появлялись сперва в виде маленькой черной точки, потом быстро вырастали и шли бреющим полетом над самой водой. Сигнальщики всегда замечали их еще издали. «Срочное погружение!» раздавался тогда спокойный приказ командира лодки, быстро задраивались все люки, и в цистерны подводного корабля с плеском врывалась вода.

За четыре года плавания комсомолец Быков хорошо изучил эти звуки ухода в глубину, и всегда при погружении всем своим телом он

ощущал дифферент лодки и, не видя, ясно представлял себе, как боцман перекладывает горизонтальные рули, а штурман, склонившись над маленьким столиком, прокладывает курс.

Вот и сейчас ушли под воду от самолета.

Федор Быков прошел по отсекам. Электрический свет искрился и сверкал на полированном металле бесчисленных механизмов. Штурманский электрик поднял для проверки перископы, и, словно длинные стальные копыя, устремились они к безмятежному синему небу. Кружилась голова, нестерпимо хотелось спать.

И снова и снова акустик, как опытный врач, выслушивал море, тщетно пытаясь уловить шум винтов вражеского транспорта. Не может быть, чтобы не встретился ни один корабль! Ведь лодка ходила на самых бойких путях врага, у самых его берегов! Утомительно это длительное напряжение постоянного ожидания. И, может быть, это от усталости кажется Быкову, что все товарищи смотрят на него с упреком. Даже в вопросе комиссара, когда тот заглянул в рубку и спросил: «Ну, как дела, секретарь комсомола?» — послышался ему какой-то особый оттенок.

С первого же дня строительства лодки комсомолец Быков находился на ней, помогал ее строить. Тогда можно было только угадывать, как она будет выглядеть в будущем. А в скольких штормовых походах был он на своем славном подводном корабле! Здесь Быков окреп, вырос, здесь его приняли в партию, три раза избирали секретарем комсомольской организации. И вот теперь, когда настала боевая проверка, когда надо все отдать для родины и сделать так, чтобы каждый поход стал крепким ударом по врагу, все складывается как-то иначе, чем раньше думалось Быкову.

Он не спал уже около суток. Он физически чувствует тяжесть своих век. Поймав себя на том, что он думает об этом, акустик с усилием поднимает голову. Слишком много света в этой тесной рубке! Федор зажег маленькую лампочку и выключил основное освещение. Резь в глазах пропала. Отпотевший в подводном положении борт сверкал десятками крошечных бисеринок. Из цистерн раздался характерный шум: со звоном преодолевая сопротивление воды, туда врывался воздух. Лодка слегка качнулась и стала медленно подниматься наверх.

Попросив разрешения у вахтенного командира, Быков вышел на мостик. В небе и в море извивались мутно-белые складки утреннего тумана, сквозь который временами проглядывал матовый диск солнца. У бортов подымалась мелкая серебристая пыль, и в ней вспыхивали и вновь пропадали маленькие радуги.

Холодные капли покрыли лицо Быкова, со лба они медленно ползли на щеки, задерживаясь на ресницах. И стало так чудесно хорошо, словно не было бессонных суток. Федор затянулся папироской. Капитан 3-го ранга Лунин, высокий, широкоплечий, с открытым широким лицом, всматривался в туман. Вдруг Лунин повернулся к Быкову и окинул его суровым взглядом. Командир заметил всё: и опухшие от

бессонницы веки акустика, и то, что Федор еле держался на ногах от усталости, а за всем этим командир отметил про себя страстное ожидание, сквозившее в каждом движении младшего командира.

— Приказываю идти спать, — сказал Лунин. И добавил уже мягче: — Пользуйтесь случаем. Мы, пожалуй, долго еще не будем погружаться...

2

Федор лежал в своей рубке, просунув ноги сквозь небольшое отверстие в переборке, отделяющей рубку от каюты комиссара. Дверь рубки открылась.

— Быков, вставайте, — сказал чей-то голос.

Акустик сразу вскочил с койки. Он надел наушники. Там громко булькало, и по быстроте, с которой лодка уходила под воду, по большему, чем обычно, дифференту Быков понял, что погружение было срочным. И вдруг ко всем знакомым звукам примешались новые, довольно частые пошлепывания по воде — они доносились справа и слева. Конечно, это не были шумы своих винтов. Странное, необычайное волнение охватило Быкова. Но громким, отчетливым, только необычно звенящим голосом он крикнул в переговорную трубку:

— По пеленгам слышу шум винтов двух кораблей!

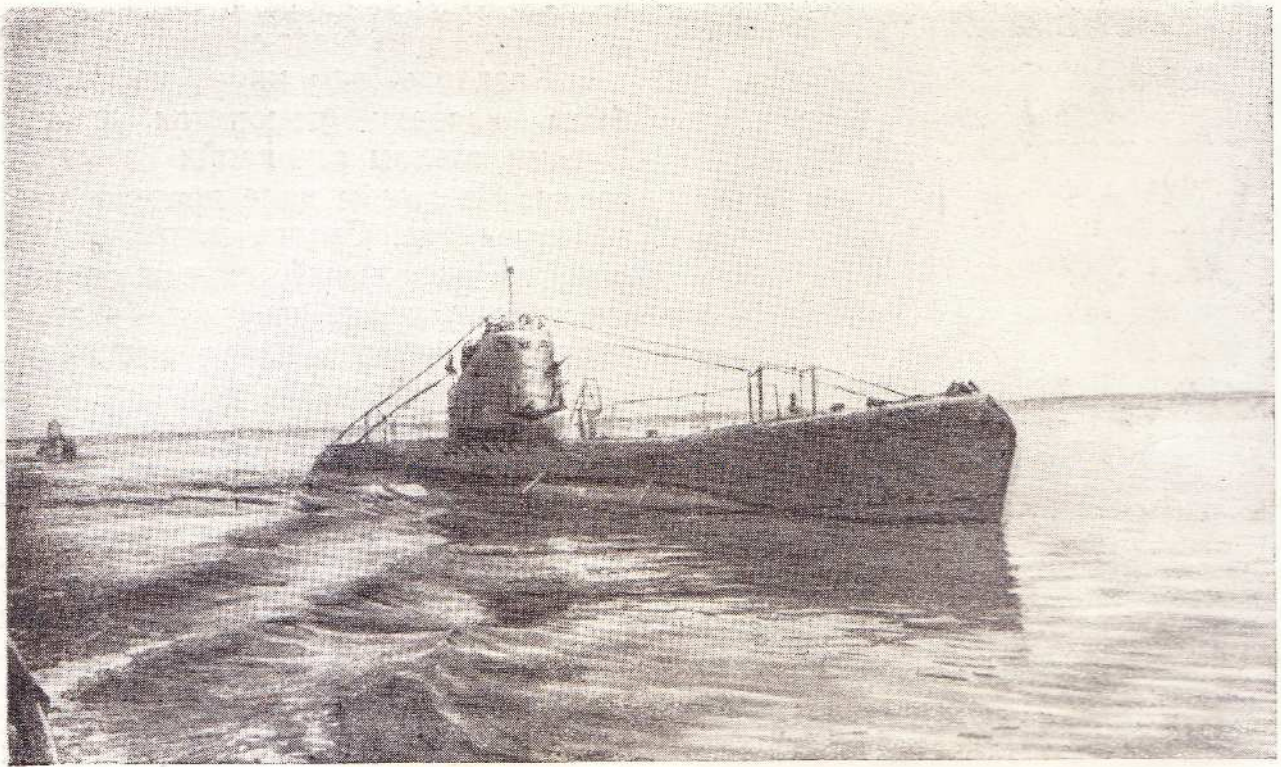
И сразу в наушниках что-то загрохотало, заухало, дрогнул корпус лодки, и над ней прокатился глухой, зловещий, никогда до того не слышанный гул. «Глубинные бомбы», мгновенно догадался акустик. Два фашистских тральщика охотились за лодкой. Один за другим докладывал Быков пеленги на вражеские корабли, и командир уводил лодку от смертельной опасности. Как только наступала тишина, лодка застывала в напряженном ожидании, чтобы снова немного продвинуться при очередном разрыве. Фашисты бомбили ожесточенно. Вот опять раздался раскатистый грохот, загудели электромоторы, и Федор уловил смутный шум винтов. Вот еще ухнуло, теперь уже далеко. Все дальше и шумы винтов. Минута, вторая, третья... Все тихо. И вдруг разом заработали моторы, лодка набрала ход...

Когда после всплытия Быков снова вышел из рубки, он увидел, что в каждом движении его товарищей сквозила какая-то особенная уверенность и сила, точно все вдруг возмужали. И он подумал, что, пожалуй, такое же изменение произошло и в нем самом. Пройдя в торпедный отсек, Федор весело спросил товарищей, как дела. Бойчук быстро взглянул на него и сказал как бы нехотя:

— Да ничего... — И вдруг с сердцем добавил: — Аппараты-то у нас «на товсе» — хоть сейчас в дело, да вот сам видишь...

А Злоказов подошел к Быкову и подал аккуратно сложенный листок бумаги.

— Я подумал, — сказал он, — и решил, что правильно будет... Словом, хочу заявление в комсомол подавать...

Прощай, советский берег! Подводники Севера уходят в боевую операцию.

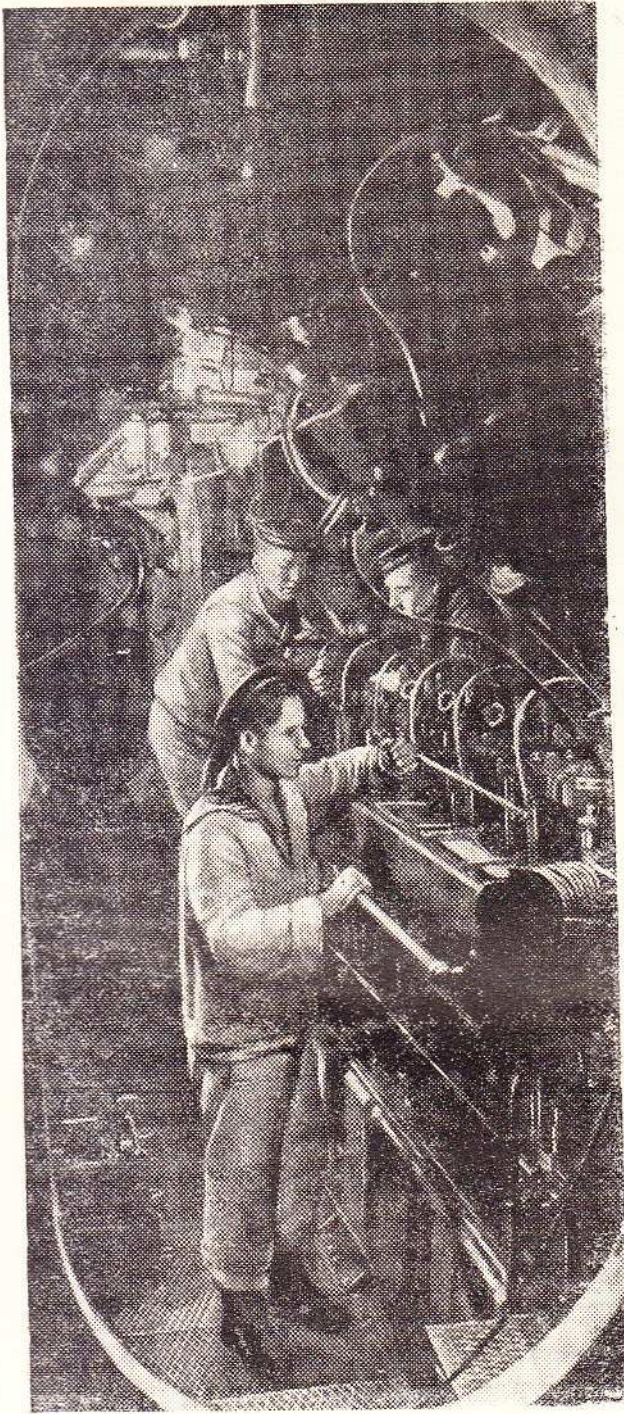
3

Однажды, когда лодка была на базе, принесли газету. В ней был напечатан список награжденных моряков. Федор Быков нашел фамилии командиров-подводников, чьи лодки пробрались в хорошо защищенные вражеские фиорды и утопили там груженные транспорты, стоявшие у причалов.

Вот она, доблесть героев!

Глаза Быкова скользнули ниже по строкам списка, и вдруг он увидел свою фамилию!.. Да, это он, старшина 2-й статьи Федор Николаевич Быков, награжден медалью «За боевые заслуги». Значит, и о его, Быкова, скромной работе знают и помнят там, в Кремле.

...Когда лодка вышла в свой новый боевой поход, море встретило ее штормами. Как не похож был этот поход на летние рейды подводников! Огромные черные волны с белой шумящей гривой перекатывались через мостик каждую минуту. И через ревущее море лодка шла к вражеским берегам. Вот уже, казалось, совсем недалеко — протяни руку и достанешь — замерцали огоньки в окнах маленьких домишек. Штормовая волна с гигантской силой ударила в лодку и вывела из строя один из важных механизмов. Быков видел, как мимо его рубки быстро прошли к люку инженер-капитан 3-го ранга Славинский, моторист Михеев, старшина 2-й статьи Степанов, краснофлотец Лысенко. Лодку

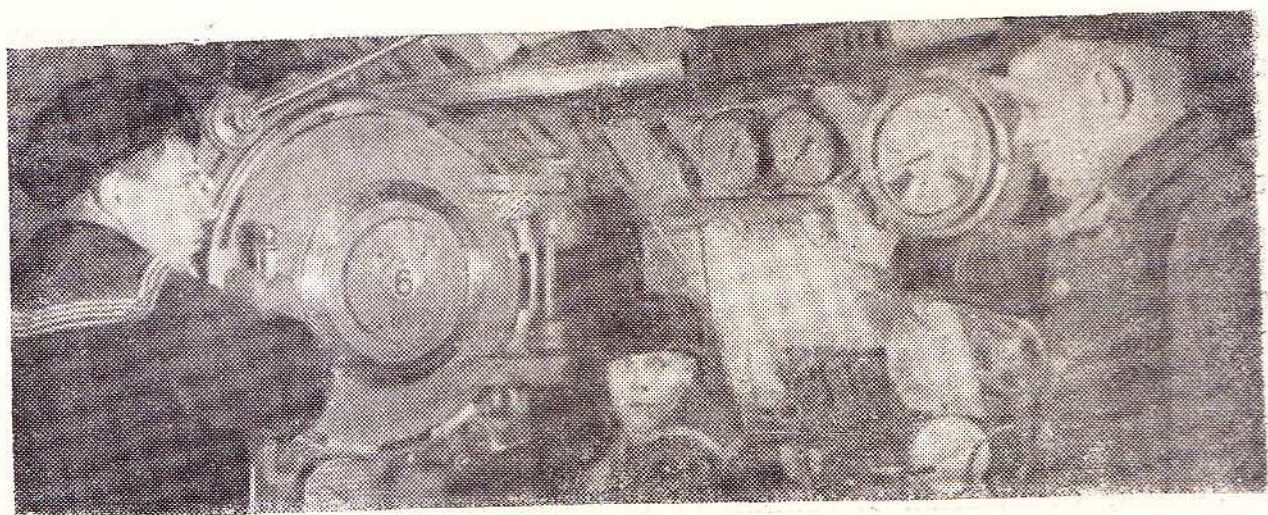
Ни пылинки не должно быть на этих умных, сложных механизмах. На поверхности, под водой, в стремительной атаке они должны работать с точностью хронометра. Балтийцы-мотористы комсомолец Калбин, Себко и кандидат партии Тютин готовят машины подводной лодки к боевому рейсу.

взад и вперед, вверх и вниз кидало волнами. Надо было спасти корабль.

Казалось, что много часов пробыла наверху ремонтная партия. В томительном ожидании тянулось время. На самом деле прошло всего полтора часа. Сперва мокрый, усталый, но довольный, спустился вниз инженер-механик, за ним — мотористы. Девяносто минут адской работы под ударами океанских волн, когда каждую минуту можно было очутиться за бортом. Зато теперь лодка могла идти куда угодно — повреждение устранено!

...Это случилось в один из дней, когда вся страна со страстной надеждой ждала исхода великих боев за красную столицу. Люди обступили радиста, принимавшего сообщения Советского информбюро. Федор прочел товарищам напечатанные во флотской газете стихи о Москве, написанные Александром Жаровым:

Мне сказал командир-подводник:
— Не во сне я, а наяву
Повидать бы хотел сегодня
Дорогую мою Москву,
Грудью встать на ее защиту
Там, где к ней подползает враг...
Только с севера до Москвы-то
Расстояние — не пустяк.
Я кричу ей через пространство:
— Не в твою ли, столица, честь
Многотонный фашистский транспорт
Мы вчера потопили здесь?
Бьют по фронту, громят по тылу
Немцев с неба мои друзья,
Каждый день умножая силу
Не твою ли, Москва моя?
По ночам, затаив дыханье,
Каждый наш заполярный пост
В блеске северного сиянья
Видит грани кремлевских звезд.
Светят всполохи огневые,
Моряков увлекая в бой.
Бейся, сердце родной России,
Нашей доблестью боевой!
Больше яростного дерзанья,
Флота северного сыны!
Мы ничем, кроме расстоянья,
От Москвы не отделены!

На подводной лодке. Момент торпедной атаки. Через мгновение торпеда, направленная верными руками, помчится на вражеский транспорт. У торпедного аппарата — главный старшина, кандидат партии М. Н. Винюков (справа) и комсомольцы С. Г. Киселев и А. В. Козлов.

Да, тут, в холодных пространствах Северного океана, уже погруженного в долгие полярные сумерки, в Баренцовом море, в водах вражеской земли краснофлотцы Севера тоже вели борьбу с проклятым врагом за Москву.

И вот утром, когда на вражеский фиорд наплывал с моря туман, на лодке заметили в глазок перископа приближение фашистского транспорта. Он был не меньше чем на шесть тысяч тонн. Командир Лунин приказал начать атаку. Старшина группы торпедистов Дряпиков, затаив дыхание, стиснул спусковые рычаги торпедных аппаратов и, как только прозвучала команда «пли», резко потянул их на себя.

Быков почувствовал сильный толчок и услышал в наушниках как бы сильный тяжелый выдох. Затем до его слуха донеслась работа винтов устремившихся на врага торпед. Все тише, тише шум, шорох винтов — и наконец глухой мощный удар. Торпеды попали в цель!

Федор высунулся из рубки и радостно спросил всех находившихся в отсеке:

— Слышали?

— Слышали!

Снова поднялся глазок перископа. Туман уже лежал плотно и на море, но вскоре порыв ветра разорвал белесую пелену. И командир увидел суда, подбиравшие тонущих фашистов. Акустик слушал, напрягая все свое внимание. Сейчас начнут бомбить. В наушниках что-то загудело. Быков доложил о пеленгах на немецкие катера-охотники. Раздалось несколько взрывов, но потом все стихло. Враги не сумели обнаружить лодки, и, не замеченная, она продолжала ходить у берегов.

Прошло несколько дней. В глубине одного из фиордов североморцы-подводники терпеливо подстерегали появление вражеских кораблей. Быков часто докладывал командиру о ритмичных стуках бесчисленного множества сновавших по заливу ботишек — акустику приходилось

давать по несколько пеленгов зараз. Но вот послышался уже знакомый, сильный, мерный шум винтов тральщика. Командир поднял перископ.

— Правильно, — сказал Лунин, — действительно тралец!

Наверху промчалось несколько катеров-охотников. Потом в наушниках неторопливо зашлепало, точно двигался кто-то большой и грузный.

— Слышу транспорт противника! — кричал в трубу Быков.

В сумерках смутно вырисовывался силуэт огромного транспорта в охранении миноносца типа «Вольф». Вдруг миноносец резко изменил курс и бросился к тому месту, где была лодка. Заметили, видно! Бомбы, бомбы, бомбы — фашисты не жалели их. Они рассчитывали если не утопить, то запугать подводный корабль, заставить его отказаться от атаки. Рассчитывали, но просчитались!

Лодка, осыпаемая глубинными бомбами, шла в атаку на фашистский транспорт.

У торпедных аппаратов, напрягшись, как для прыжка, ждали сигнала Бойчук и Злоказов. Четыре брата Бойчука сражались на фронтах отечественной войны — стрелок-радист, танкист, артиллерист и сапер, — и все они мстили за мать, оставшуюся на захваченной немцами земле. Какая страшная судьба постигла там старуху? Двух братьев потерял Злоказов — Ивана и Виктора: оба они пали в боях за родину, а третий, раненный, лежал в госпитале. Мчитесь же, торпеды, бейте в борт ненавистного вражеского транспорта, перевозящего разбойничьи орды и оружие для них! Мчитесь, торпеды, уничтожайте, топите проклятых зверей! За радяньску Украину, за мать, за братьев!

Взрыв торпед услышали все, находившиеся в отсеках. Транспорт в десять тысяч тонн водоизмещением перестал существовать. И вот загрохотало, зазвенело в наушниках Быкова. Все свои силы бросили гитлеровцы на один подводный корабль. Но и на этот раз лодка ушла невредимой...

Еще день у вражеской земли, на море, окутанном туманом. Акустик то и дело докладывал о немецких тральщиках. Но вот он снова поймал знакомое пошлепывание. Транспорт! Лодка открыла свой «глаз» — перископ. Стали видны торчащие в тумане мачты.

— Держите точнее, — приказал командир Быкову. — Будем атаковать по пеленгу.

Справа был транспорт, слева — миноносец. Акустик непрерывно давал пеленги на оба корабля. Акустик точно указывал путь к цели, и через несколько минут тяжкая масса транспорта как будто дернулась вверх, грузно осела. И, накренившись, фашистский корабль стал стремительно погружаться.

Но все ближе, все громче частая звенящая работа винтов. Это миноносец, это его пеленг. Бомбы, бомбы, бомбы...

4

Большая светлая комната госпиталя. Быков очнулся и приподнялся на локтях. До чего все-таки обидно, что угсдил он сюда! Врачи говорят, что ему надо еще оставаться здесь. А лодка? Лодка ушла в

море без него... И Быков вспоминает о последнем походе, в котором был потоплен четвертый транспорт. Фашисты опять крепко бомбили и опять тщетно... Три радости было теперь у Быкова: одна радость — весть о разгроме врага под Москвой, другая — что неплохо поработали в походе и вернулись с победой, и третья — он узнал, что награжден орденом Красного Знамени. И надо было случиться так, чтобы он попал в госпиталь!

И тянутся дни... Он лежит, ест, спит, смотрит кинокартины. А товарищи его? А друзья? И, томясь на своей койке в просторной светлой палате, Быков думает: сравняла ли лодка свой боевой счет со «старушкой» — краснознаменной «Д-3», которая потопила семь транспортов противника?

Сейчас зима, сильный мороз — значит, у лодки обледенела настройка, антенна стала толщиной с кулак. Как же они там? Как?... Тихо рассказывает о чем-то радиорепродуктор. И вдруг все внимание Быкова напрягается; он слушает так, как слушал недавно шум моря. «Слушайте известия по Северному флоту! Слушайте известия по Северному флоту! Потоплено еще три транспорта врага... На боевом счету капитана третьего ранга Лунина — семь кораблей противника».

И Федор спрыгивает с койки. Он не слышит упреков сестры. Лодка, его родная лодка догнала краснознаменную «Д-3»!

...Быков оправился. В следующий поход он пойдет с боевыми друзьями-комсомольцами. Семь — только начало. Восьмой, девятый, десятый и другие транспорты последуют за первыми семью на дно океана от торпед лунинской подводной лодки. В Северном океане она бьется за победу над гнусными поработителями и захватчиками, за светлый завтрашний день народа, за счастье, за нашу жизнь!

...Сейчас в Северном флоте среди подводников родилось новое почетное слово: лунинцы.

И во всех морях и океанах мира знают сейчас о капитане 2-го ранга Луине и его подводной лодке. Это она торпедировала германский линкор «Тирпиц», шедший под охраной восьми миноносцев.